ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гамзатов М.Г., ООО «Строительное управление», Санкт-Петербург, Российская Федерация, mgamsatov@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы государственного языка, языка судопроизводства в арбитражном процессе. Автор обращает внимание на правовой статус государственного языка в системе арбитражного процесса и рассматривает его как разновидность языка для специальных целей; учитывается необходимость соблюдения природы публичного порядка и языка места рассмотрения дела при легализации документов иностранного происхождения.

Ключевые слова: правовой статус государственного языка, правовой статус языка судопроизводства в арбитражном процессе, разновидность языка для специальных целей, легализация документов иностранного происхождения, публичный порядок, право на родной язык.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-35-3-101-116

UDC 347.9:342

LEGAL STATUS OF THE LANGUAGE OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE ARBITRATION PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gamzatov M.G., CLL Construction management, St.-Petersburg, Russian Federation, mgamsatov@yandex.ru

This article examines the current problems of the national language and the language of legal proceedings in the arbitration process of the Russian Federation. The author of the article draws attention to the legal status of the state language in the system of the arbitration process and regards it as a subtype of language for specific purposes. The author proposes the need to comply with the nature of public order and *lingua lexfori* should be taken into account when legalizing documents of foreign origin.

Key words: legal status of the national language, legal status of the language of legal proceedings, arbitration proceedings, legalization of documents of foreign origin, right to native language.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-35-3-101-110

Язык судопроизводства российской судебной системы не только является одним из важнейших принципов организации судебной системы, но и представляет собой разновидность государственного языка, действующего во всех сферах публичной деятельности страны. Частью 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации устанавливается государственный язык Российской Федерации — русский язык. Поскольку судебная система едина на всей территории РФ, языком судопроизводства как разновидностью государственного языка на всей территории считается русский язык. В основе русского языка как государственного языка РФ лежит литературный язык, который призван выполнять консолидирующую роль населения страны/общества, обеспечивать ее целостность. В силу историко-культурных традиций литературный язык играет важную роль в едином культурном развитии народов России и приобретает статус базового языка в коммуникации во всех направлениях публичной деятельности, в частности, в сфере профессионального общения в судебном дискурсе. Все тех-

нические языки, т.е. языки для специальных целей (термин лингвистов) производны от литературного языка. В число языков для специальных целей входит и язык права (термин юристов) [1, 2, 3, 4]. Термин «язык права» довольно широкое понятие, поскольку он охватывает все разновидности языка права с учетом природы предметно-отраслевых дисциплин, встречающихся в науке права, т.к. у каждой отрасли науки права имеется определенный круг регулируемых ею общественных отношений: объект, предмет и субъектный состав. Все предметно-отраслевые дисциплины имеют общую природу — защиту прав и интересов представителей разных слоев общества, гарантирующую стабильность национальной безопасности страны. Но, тем не менее, у каждой предметно-отраслевой дисциплины имеется своя разновидность языка права, которая будет служить только её интересам. Как разновидность языка права сюда относится и язык судопроизводства, призванный служить интересам судопроизводства. Благодаря своему высокому уровню, развитым функциональным возможно-

стям, русский язык как государственный язык занимает на территории РФ позицию «*Primus inter pares*» (лат. «Первый среди равных»). Помимо этого, следует учитывать и тот факт, что русский язык входит в число официальных языков ООН. Эти причины и другие сопутствующие условия позволили русскому языку занять такую позицию среди всех языков народов России, т.е. стать государственным языком федерального уровня. Осуществление судопроизводства через *lingua locifori* (лат. – язык суда места рассмотрения дела), по сути, рассматривается как разновидность публичной деятельности, в основе которой лежит принцип государственного языка. «Первой ласточкой» в новой России, объявившей, что государственным языком на территории Российской Федерации признан русский язык, стал Закон «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 11.12.2001 г. № 165-ФЗ) [5]. Вслед за Конституцией РФ законодательно принцип государственности русского языка закреплен и в ст.10 ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 15.12.2001 г. № 5-ФКЗ) [6]. Статус русского языка как государственного языка России регламентирован и Федеральным законом от 1 июня 2005 г. №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [7], в котором установлены сферы официального языкового общения и закрепляется обязательное использование в судопроизводстве только государственного языка России [8, с. 527]. Помимо этих показателей, имеются критерии, предъявляемые к языку-претенденту на статус государственного языка. По мнению автора, существуют следующие правовые критерии, предъявляемые к государственному языку:

1) он должен быть провозглашен таковым законодательной властью и соответствующим образом нормативно оформлен;

2) он императивный, т.е. юридически обязательный, который означает, что он не может быть заменен другим языком субъектами нормативно-процессуальных действий и остается единым на всей территории РФ;

3) это – язык исполнения работы официальных органов власти, управления, суда, на котором ведутся документирование официальных документов, делопроизводство и официальная переписка;

4) он должен быть не только устным, но и письменным, т.е. иметь алфавит или иные графические знаки, замещающие его;

5) финансирование программы развития государственного языка должно быть предусмотрено бюджетом [9, с. 88].

Помимо правовых критериев, предъявляемых к языку, претендующему на статус государственного, существуют и лингвистические критерии, предъявляемые к государственному языку. Согласно А.С. Герду критериями, основаниями, учитываемыми при выборе того или иного языка в

качестве государственного, официального, выступают:

1) автохтонность населения, т.е. населения местности;

2) численность, говорящих на их территории на этом языке как на родном с учетом ареальной компактности проживания говорящего, т.е. встречаются языки языковых меньшинств;

3) престижность, авторитет языка, т.е. хорошо развитый литературный язык с глубокими историко-культурными традициями, наличие выдающихся литературных произведений на нем, высокий уровень его стандартизации, международно-го авторитета;

4) нейтральность языка. Такой язык нередко осознается как язык – представитель мировой культуры, науки и технического процесса. И здесь одним из путей языковой политики является официальное признание ряда основных языков страны наряду с использованием одного или нескольких языков в качестве официального [10, с. 8].

Как было отмечено, помимо правовых критериев, для объективной оценки статуса государственного языка, важны и лингвистические критерии [11, с. 42]. И по всем этим параметрам, как правовым, так и лингвистическим, русский язык соответствует статусу государственного языка РФ.

Законодательная характеристика статуса языка судопроизводства дана в статье 10 ФКЗ «О судебной системе РФ», которая определяет, что:

1) судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ, Высшем Арбитражном Суде РФ, других арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке — государственном языке РФ. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд;

2) судопроизводство и делопроизводство в мировых судах в других субъектах РФ ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд;

3) участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

По сути, ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ», учитывая роль языка судопроизводства, конкретизирует принцип национального языка и права каждого на пользование родным языком, заложенный в нормах Закона «О языках народов РФ» и Конституции РФ. Конституционный принцип национального языка выражает государственно-правовое признание равноправия всех наций, народов, этносов и этнических групп, населяющих Российскую Федерацию, в любых сферах государственных и социально-

политических отношений и служит обеспечению равенства граждан при осуществлении правосудия. Поскольку судебная система на всей территории Российской Федерации является единой, применительно к правосудию действующее законодательство использует понятие государственного языка РФ и государственного языка республик. Здесь следует заметить, что, несмотря на многонациональный состав населения и разнообразие языков народов России, общефедеральным государственным языком на всей территории считается русский язык. Устанавливая государственный язык — язык судопроизводства, Конституция РФ гарантирует каждому право пользоваться в сфере процессуальных норм, в частности, и в арбитражном процессе, родным языком или привычным языком общения. Процессуальное законодательство распространяет возможность использования этого права на все судебные стадии и не предусматривает каких-либо исключений. Выбор языка судопроизводства определяется законом, т.е. имеет императивный характер и не должен зависеть от усмотрения судей.

Согласно правилам этой статьи лицам, участвующим в производстве по делу и не владеющим или слабо владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела, выступать в суде на родном языке или на другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном процессуальным законодательством. Рассматривающий дело суд в этих случаях обязан не только разъяснить им это правило, но и обеспечить их переводчиком. Переводчик наряду с переводом в суде показаний лица, не владеющего языком, на котором ведется судопроизводство, должен переводить ему и показания свидетелей, вопросы суда и иные материалы, исследуемые в судебном разбирательстве. Лицом, не владеющим языком судопроизводства и делопроизводства, считается лицо, не понимающее или плохо понимающее разговорную речь на языке судопроизводства, не способное свободно разговаривать на этом языке, полностью воспринимать содержание судебного разбирательства и ориентироваться в судопроизводстве по делу, читать материалы дела.

В арбитражном судопроизводстве понятие «язык судопроизводства» регулируется следующими статьями Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: ст. 12 (Язык судопроизводства); ст. 57 (Переводчик); п. 5 (*к представляемым в арбитражный суд письменным доказательствам, исполненным полностью или в части на иностранном языке, должны быть их надлежащим образом заверенные переводы на русский язык*) ст. 75 (Письменные доказательства); пп. 6 (*заверенный надлежащим образом перевод указанных в пунктах 1-5 настоящей части докумен-*

тов на русский язык) п. 3 (*к заявлению о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда прилагаются:*) пп. 3 (*надлежащим образом заверенный перевод на русский язык документов, указанных в пунктах 1 и 2 настоящей статьи*) п. 4 (*к заявлению о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитражного решения, если международным договором Российской Федерации предусмотрено иное, прилагаются:*) ст. 242 (Заявление о признании и приведение в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения); п. 2 (*документы, составленные на иностранном языке, при представлении в арбитражный суд Российской Федерации должны сопровождаться их надлежащим образом заверенным переводом на русский язык*) ст. 255 (Требования, предъявляемые к документам иностранного происхождения); пп. 3 (*нарушение правил о языке при рассмотрении дела*) п.4 (*Основаниями для отмены решения арбитражного суда первой инстанции в любом случае являются:*) ст. 270 (Основания для изменения или отмены решения арбитражного суда первой инстанции); пп. 3 (*нарушение правил о языке при рассмотрении дела*) п. 4 (*основаниями для отмены решения, постановления арбитражного суда в любом случае являются:*) ст. 288 (Основания для изменения или отмены решения, арбитражного суда первой и апелляционной инстанций).

В статье 12 АПК РФ закреплён принцип государственного языка судопроизводства, соблюдение которого имеет существенное значение для реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле, всестороннего и полного исследования доказательств и установления обстоятельств дела в условиях состязательного процесса, правильного решения дела.

Итак, согласно положениям ч.1 ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык, но республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик используются наряду с государственным языком РФ. Следовательно, производство в арбитражном суде ведется на русском языке, в арбитражных судах республик языком арбитражного судопроизводства может быть как русский язык, так и государственный язык соответствующей республики (ст. 10 Закона о судебной системе). Требования государственного языка распространяются на все этапы судопроизводства в арбитражных судах. Несоблюдение правил вышеуказанных нормативных актов является безусловным основанием для отмены решения арбитражного суда в апелляционном или кассационном порядке (п. 3 ч.4 ст. 270, п. 3 ч.4 ст. 288 АПК). При установлении данного обстоятельства судебный акт подлежит отмене также и в порядке надзора, поскольку иное противоречило

бы единообразному применению в судебной практике комментируемой статьи, нарушило бы общепризнанный в международных нормах права иск свободы соответствующего участника судопроизводства.

Незнание языка судопроизводства или недостаточная степень владения им не должны создавать препятствий в реализации права на судебную защиту. Закрепляя равенство всех перед законом и судом, Конституция РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от языка и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам языковой принадлежности (ст. 19). Положение п. 2 ст. 12 АПК о праве лиц, участвующих в деле, пользоваться в процессе рассмотрения дела родным языком или любым свободно избранным языком общения и услугами переводчика конкретизирует применительно к судопроизводству в арбитражном суде гарантированное ч. 2 ст. 26 Конституции РФ и ч. 3 ст. 10 ФКЗ «О судебной системе РФ» право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения.

Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон, в том числе в случае участия в нем лиц, не владеющих государственным языком. Очевидно, что таким участникам процесса без перевода на понятный им язык, без доведения с помощью переводчика до сведения суда и других участников судопроизводства их объяснений по разрешаемым вопросам невозможно надлежащим образом реализовать эти конституционные принципы и обеспечить справедливое разбирательство дела. Положение комментируемой статьи об обеспечении права участников процесса давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика конкретизируют указанные требования Конституции применительно к судопроизводству в арбитражном суде. При этом под другим языком в данном случае должен пониматься любой язык, свободно выбранный самим заинтересованным участником процесса (ч. 3 ст. 10 Закона о судебной системе). На его усмотрение должно отдаваться и определение степени владения языком судопроизводства и ее достаточности для полноценного участия в судебном заседании в отсутствие переводчика, даже если русский язык является родным для данного участника процесса.

Правам участников процесса давать объяснения не на языке судопроизводства и пользоваться услугами переводчика корреспондирует обязанность суда обеспечить разбирательство дела переводом хода судопроизводства. Вопрос о том, владеет лицо русским языком или нет, судья должен выяснить при подготовке дела к судебному разбирательству. Суд разъясняет и обеспечивает такому лицу право использовать язык, которым он владеет, при ознакомлении с материалами дела, также на любой стадии процесса, в ходе судебных действий,

например, при осмотре, проведении экспертизы. Право пользоваться родным языком или любым свободно избранным языком и услугами переводчика должно быть разъяснено лицу, не владеющему языком судопроизводства, при подготовке дела к судебному разбирательству сразу же после привлечения его к участию в деле (п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК). Разъясняется данное право и в подготовительной части судебного заседания (п. 5 ч. 2 ст. 153 АПК). Ходатайство о привлечении переводчика может быть заявлено и в самом судебном заседании, однако в случае его удовлетворения при исследовании вопросов дела или на более позднем этапе его разбирательства суд во избежание нарушения прав лица, не владеющего языком судопроизводства, вынужден будет вернуться к началу судебного заседания. Право полностью ознакомиться с материалами дела обеспечивается судом путем назначения переводчика. Он назначается согласно статье 57 АПК (Переводчик), в которой конкретно указано, кто может быть переводчиком, и, соответственно, судья выносит определение. В этом акте он должен указать, кто именно назначается переводчиком. Процессуальная функция переводчика состоит в переводе с языка судопроизводства и на язык судопроизводства процедуры рассмотрения дела в целях оказания содействия суду в исследовании и оценке обстоятельства дела, а также создания необходимых условий участвующим в деле лицам, не владеющим этим языком, для их полноценного и равноправного участия в состязательном процессе. От объективности и компетенции переводчика во многом зависят полнота исследования обстоятельств дела, возможность реализации субъектами процесса своих прав и обязанностей и правильность разрешения дела судом. Документы и иные письменные материалы представляются в арбитражный суд на языке судопроизводства, а если они изложены на другом языке, прилагается их перевод. При участии в деле субъекта процесса, не владеющего русским языком, суд при установлении данного обстоятельства должен обеспечить перевод этих материалов на язык, который им выбран для общения при осуществлении судопроизводства.

Взаимосвязь принципов арбитражного судопроизводства проявляется и в том, что без реализации начала свободы пользования родным языком и выбора языка общения невозможно полное осуществление таких основополагающих принципов правосудия, как обеспечение права на защиту, гласность, устность судебного разбирательства, состязательность сторон и др.

Несоблюдение правил ст. 12 АПК о языке судопроизводства, как было указано выше, влечет отмену судебного решения [12, 13, 14]. Помимо правовых требований, предъявляемых к языку судопроизводства, ВАС требует и соблюдения правил русского языка при составлении судебных актов [15].

Во всех разновидностях судопроизводства письменные доказательства имеют существенное значение, так как являются самыми распространенными средствами доказывания и используются значительно чаще иных доказательств, что обусловлено характером рассматриваемых дел. Существенным моментом ст. 75 АПК является пункт 5, поскольку здесь идет речь о необходимости перевода письменных доказательств на иностранном языке на русский язык, т.е. на государственный язык РФ, а, следовательно, на язык арбитражного судопроизводства [16]. Следует иметь в виду, что язык судопроизводства, хотя и рассматривается как разновидность государственного языка, в некоторой степени отличается. Государственным языком выступает литературная форма русского языка, в нише которого сформировалось и понятие «язык судопроизводства». Таким образом, русский язык в его литературной форме первичен, а язык судопроизводства произведен от литературного языка, т.е. вторичен и носит автономный характер. Но это — язык (права) для специальных целей, т.е. язык, созданный для применения в узкой сфере публичной деятельности государства в лице судебных органов. И само понятие «язык судопроизводства» довольно широкое, поскольку встречается в административном процессе, уголовном процессе, гражданском процессе и арбитражном процессе, у каждого из которых имеется отдельный круг регулируемых им общественных отношений, объект, предмет и субъектный состав. Следовательно, рассматривать понятие «язык судопроизводства» и применять его нужно с учетом природы каждой из этих предметно-отраслевых дисциплин. Надо полагать, что язык судопроизводства в арбитражном процессе выступает как узкопрофильное языковое явление, в основе которой лежит специальная лексическая единица — термин, выступающий как источник и носитель специальных знаний и средство юридической техники, направленный на решение вопросов арбитражного судопроизводства. Владеть государственным языком — литературным русским языком и языком, на который осуществляется перевод, это еще не гарантия правильного и качественного перевода. Здесь нужно владеть и уметь оперировать лексикой арбитражного процесса, поскольку существует незыблемое правило, известное еще со времен Древнего Рима, — «Ignoratis terminis artis, ignonatur et ars» («Если не известна терминология права, то неизвестен и сам предмет»). Следовательно, нужно быть не только переводчиком, но и сведущим лицом в тонкостях терминологии арбитражного процесса. Здесь вполне понятна логика законодателя, потому что перевод документов, составленных на иностранном языке, представляет собой очень сложный процесс, в котором следует учитывать не только правовую природу письменных доказательств, но и природу лингвоправовой и культурологической специфики науки перевода. Такая специфика вызвана самой природой ино-

стрannого права и его институтов, а также она связана с лингвистическими особенностями самых языков. Существует общеизвестная истина, которая утверждает, что каждый национальный язык обслуживает свою национальную систему права. Более того, следует признать, что когда речь идет о переводе в процессе судопроизводства, эти языки являются не только государственными, или официальными, но и приобретают статус специальных языков, т.е. языков о специальных знаниях. Как показывает практика, для полноты и объективности решения рассматриваемого дела и учета специфики национального публичного правопорядка, задач судопроизводства, лингвоправовых и культурологических особенностей науки перевода следует считаться и с этими факторами.

Для придания юридического статуса переведенному тексту, существенным является и то, что перевод должен быть надлежащим образом заверен. Вопрос об обязательности перевода документов, исполненных на иностранном языке, в судебной практике вызывает затруднения как в организационном, так и в процессуальном плане. В штате судов не предусмотрены переводчики, и судья не должен принимать документы, не обеспеченные переводом. Руководствуясь нормами ст. 128 АПК (Оставление искового заявления без движения), в случае представления при подаче искового заявления письменного доказательства на иностранном языке, не обеспеченного переводом, судья должен вынести определение об оставлении заявления без движения.

С учетом того, что письменное доказательство вовлекается в арбитражный процесс, оно приобретает свойство судебного доказательства. Следовательно, требование о переводе, заверенном надлежащим образом, означает, что перевод должен быть нотариально заверен. То есть лицо, заинтересованное в представлении письменного доказательства на иностранном языке, должно обратиться нотариусу. Нотариус свидетельствует верность перевода с одного языка на другой, если владеет соответствующим языком. Если нотариус не владеет соответствующим языком, перевод может быть сделан переводчиком, подлинность которого удостоверяет нотариус. Сложившаяся нотариальная практика предусматривает, что переводчик должен быть хорошо известен нотариусу. Это позволяет нотариусу быть уверенным в качественном переводе, исключая его фальсификацию. Представление надлежащим образом заверенного документа убеждает в достоверности содержания письменного доказательства [17].

Когда речь идет о письменных текстах, составленных на иностранных языках, представляющих собой письменные доказательства, они должны быть не только переведены, но и соответствующим образом легализованы для придания им юридической силы с учетом норм национального права в месте рассмотрения дела. Пункты 6, 7

ст. 75 АПК имеют прямое отношение к легализации письменных документов. Согласно пункту 6 ст. 75 АПК документ, полученный в иностранном государстве, признается в арбитражном суде письменным доказательством, если он легализован в установленном порядке.

В настоящее время актуальность и востребованность легализации документов приобретает массовый характер, поскольку с развитием международных хозяйственных связей, установлением деловых контактов с иностранными партнерами, выездом российских граждан на работу, учебу, временное или постоянное жительство за границу заметно увеличился и поток документов, направляемых российскими гражданами и юридическими лицами в различные государства и поступающих от субъектов международных хозяйственных связей из других государств в Российскую Федерацию [18, с. 3]. И в связи с этими факторами не только в международном документообороте, но и в судах придается все возрастающее значение институту легализации и признанию документов иностранных государств.

В практике встречаются такие универсальные и распространенные правовые режимы легализации иностранных документов, как: дипломатическая (консульская) легализация документов, апостиляция и национальный правовой режим.

Дипломатическая (консульская) легализация. В соответствии со ст. 55 Консульского устава Союза ССР, в консульских учреждениях функция по легализации документов и актов возлагается на консулов РФ. Государство, назначающее консула, снабжает его консульским патентом, удостоверяющим его личность и круг полномочий. Консульские учреждения осуществляют свои функции в пределах консульских округов, которые представляют собой согласованные с государством пребывания районы территории этой страны. Консульская легализация заключается в подтверждении соответствия документов законодательству государства их происхождения и представляет собой засвидетельствование подлинности подписи должностного лица, его статуса и в надлежащих случаях печати уполномоченного государственного органа на документах и актах с целью использования их на территории другого государства. Консульская легализация подтверждает правомочность документов в международном общении. Легализация производится в форме удостоверительной надписи консула на документах. Согласно должностным инструкциям, консул Российской Федерации в государстве пребывания делает специальную надпись, которая удостоверяет подлинность подписи должностного лица иностранного государства. Консульская легализация заключается не только в засвидетельствовании подлинности подписи, но и в удостоверении соответствия документов и актов законам государства пребывания.

Легализации не подлежат документы и акты, которые:

- а) противоречат основам публичного порядка Российской Федерации;
- б) могут по своему содержанию нанести вред интересам Российского государства;
- в) оформлены с нарушением инструкции, регламентирующих оформление документов, предназначенных для использования за границей;
- г) содержат сведения, порочащие честь и достоинство граждан [19, с.63].

Апостиль (режим Гагской конвенции).

В российском законодательстве установлено общее правило — прием органами государственной власти документов, составленных за границей, осуществляется только при условии их легализации органом Министерства иностранных дел Российской Федерации, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации либо международным договором [20, 21, 22].

В целях упрощения процесса признания иностранных документов 5 октября 1961 г. в Гааге (Нидерланды) была подписана Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов [23]. Конвенция вступила в силу в Российской Федерации 31 мая 1992 г. в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР «О присоединении СССР к Гагской конвенции 1961 г.». Основная цель государств, подписавших Конвенцию, — отмена требования дипломатической или консульской легализации иностранных официальных документов для упрощения процесса их признания. В этом случае речь о договорной форме легализации документов, составленных на иностранном языке, — апостиле. Согласно П.А Кенсовскому Гагская конвенция распространяется на официальные документы, которые были совершены на территории одного из договаривающихся государств и должны быть представлены на территории другого договаривающегося государства. В качестве официальных документов, согласно Гагской конвенции, рассматриваются:

- 1) документы, исходящие от органа или должностного лица, подчиняющегося юрисдикции государства, включая документы, исходящие от прокуратуры, секретаря суда или судебного исполнителя;
- 2) административные документы;
- 3) нотариальные акты;
- 4) официальные пометки—отметки о регистрации, визы, подтверждающие определенную дату; заверения подписи на документе, не засвидетельствованном у нотариуса.

Вместе с тем, эта Конвенция не распространяется на:

- 1) документы, совершенные дипломатическими или консульскими агентами;
- 2) административные документы, имеющие прямое отношение к коммерческой или таможенной операции;

Следовательно, действие Гаагской конвенции распространяется на документы об образовании, гражданском состоянии, трудовом стаже, свидетельства о нахождении живых, справки, доверенности, судебные решения и материалы по гражданским, семейным и административным делам. В то же время Конвенция не распространяется на административные (корпоративные) документы, имеющие прямое отношение к коммерческим или таможенным операциям [19, с. 81 Соглашение от 08.12.1991 г.].

Порядок оформления и проставления апостиля предусмотрен ст. 4 Гаагской конвенции. Согласно Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов, по ходатайству подписавшего лица или любого предъявителя документа, совершенного компетентными органами одного государства и предназначенного для использования на территории другого государства, проставляется специальный штамп — апостиль. Подпись, печать или штамп, проставляемые на апостиле, не требуют никакого заверения. Документ, на котором проставлен апостиль, может быть использован любой из стран-участниц Гаагской конвенции. На практике встречается такой текст и образец штампа апостиля. Заголовки апостиля обязательно должен содержать текст на французском языке — «Apostille (Convention de la Haye du 5 octobre 1961)»:

The certificate referred to in the first paragraph of Article 3 shall be placed on the document itself or on an «allonge»; it shall be in the form of the model annexed to the present Convention.

It may, however, be drawn up in the official language of the authority which issues it. The standard terms appearing therein may be in a second language also. The title «Apostille (Convention de la Haye du 5 octobre 1961)» shall be in the French language. The certificate will be in the form of a square with sides at least 9 centimetres long.

Предусмотренный в первом абзаце статьи 3 апостиль проставляется на самом документе или на отдельном листе, скрепленном с документом; он должен соответствовать образцу, приложенному к настоящей Конвенции. Однако он может быть составлен на официальном языке выдающего его органа. Имеющиеся в нем пункты могут быть также изложены на втором языке. Заголовок «Apostille (Convention de la Haye 5 du octobre 1961)» должен быть дан на французском языке. Апостиль должен быть в форме квадрата, как минимум, 9 сантиметров длиной [24, 25].

Пункт 7 статьи 75 АПК воспроизводит и предусматривает эту норму Гаагской конвенции, согласно которой иностранные официальные документы признаются в арбитражном суде письменными доказательствами без их легализации в случаях, предусмотренных международным договором.

Национальный правовой режим. В настоящее время в практике легализации документов иностранного происхождения встречается и этот режим, который напоминает элемент понятия «режим наибольшего благоприятствования». Суть данного режима состоит в том, что он распространяется на взаимоотношения между государствами, которые имеют значительное сходство политико-правовых структур, связанных экономическими отношениями. Например, страны СНГ заключили Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным делам (Минское соглашение), и здесь действует упрощенный порядок легализации документов [26]. Без специального удостоверения принимаются документы на территории стран-участниц этой Конвенции, если документ подготовлен на территории этих стран или засвидетельствован учреждением или специально на то уполномоченным лицом в пределах его компетенции по установленной форме и скреплен гербовой печатью, т.е. апостиль не нужен. Аналогичные нормы содержатся и в ст. 6 Киевского соглашения [27], которые распространяются на страны, входящие в СНГ. Документы, выданные или засвидетельствованные учреждением или специально уполномоченным лицом в пределах их компетенции по установленной форме, скрепленные печатью на территории одного из государств-участников СНГ не требуют какого-либо удостоверения. Документы одной из стран СНГ, которые рассматриваются на ее территории как официальные документы, пользуются на территории остальных стран-участников СНГ доказательной силой официальных документов. Этот вариант рассматривается как наиболее упрощенный режим для участников гражданско-правовых отношений, поскольку отпадает необходимость прохождения соответствующих документов через специальные юридические процедуры [28, с. 956; 29, с. 18]. Без легализации также возможно принятие иностранного документа, если это предусмотрено двусторонним международным договором. Документы, представляемые из иностранных государств, независимо от порядка их легализации оцениваются арбитражным судом по общим критериям их относимости, допустимости, достоверности, доказательственной силы и существенности для рассматриваемого дела содержащихся в них сведений. Такая процедура судебного исследования документов допустима, поскольку по правилам зарубежного государства подобные документы могут обладать юридической силой, а по правилам же российского арбитражного процесса они могут не обладать юридической силой. Поэтому для того чтобы принять в российском арбитражном процессе документы, полученные в иностранном государстве, или иностранные документы, следует решить вопрос об их легализации [17, 30].

В разделе VII Постановления Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 г. № 8 «О действии между-

народных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса» раскрываются вопросы легализации [31].

Требования, предъявляемые к легализации документов иностранного происхождения, показывают важность их перевода на язык места судопроизводства, а, точнее, — на язык арбитражного судопроизводства, который является субъязыком языка судопроизводства и разновидностью государственного языка — русского языка, т.е. языка для специальных целей в узкой сфере публичной деятельности судебных органов в лице государственной власти.

Суммируя вышеперечисленное, можно прийти к выводу о том, что язык судопроизводства в сфере арбитражного процесса является особым объектом лингвоправовых исследований, поскольку речь идет о специальной лексической единице — термине, являющимся источником узкопрофильных знаний и основным компонентом языка для специальных целей. Здесь говорится о разновидности языка судопроизводства, т.е. субъязыка, ориентированного на решение задач арбитражного процесса. Хотя *de jure* специальные лексические единицы, обозначающие идентичные понятия в смежных дисциплинах во многом совпадают, но *de facto*, как показывает судебная практика, они существенно отличаются друг от друга, так как они призваны обслуживать только одну узкопрофильную предметно-отраслевую сферу. И язык арбитражного процесса в этом плане не является исключением, и только его терминологический пласт позволяет определить его междисциплинарный характер, в основе которого лежит лингвоправовая, культурологическая и переводческая специфики. Следует отметить, что только термины арбитражного процесса как источник специальных знаний и средство юридической техники в состоянии выполнить задачу, возложенную на них наукой арбитражного процесса. Определение термина и даже обычного слова с точки зрения предметно-отраслевой дисциплины позволяет глубже понять лингвоправовую при-

роду самого термина и обычного слова, поскольку в специальном тексте даже обычное слово приобретает свойство термина и разделяет его судьбу. Другими словами, происходит процесс взаимодействия специального и общеупотребительного языка: переход единицы номинации из одной системы в другую раскрывается как новое явление, определяющее особый характер изменения семантики и концептуального содержания терминологических и лексических единиц. На фоне общей картины языка судопроизводства язык арбитражного судопроизводства, являясь его разновидностью, имеет автономный характер.

Язык арбитражного процесса выступает средством коммуникации, в судебном дискурсе находят свое отражение цели, которые преследуют стороны. С учетом его специфики язык арбитражного судопроизводства следует рассматривать как отдельный объект лингвоправовых, переводческих и культурологических исследований, т.е. объект междисциплинарных исследований. С помощью палитры и синтеза специальных знаний вышеперечисленных научных дисциплин можно разрешить вопросы соблюдения принципов языка судопроизводства и оказания квалифицированной помощи переводчика лицам, не владеющим языком судопроизводства. И лишь такая постановка вопроса позволит с учетом специфики отечественного публичного правопорядка наиболее полно и объективно расшифровать текст со многими неизвестными: понятий, явлений, феноменов и реалий зарубежного права. На наш взгляд, понятию «язык арбитражного судопроизводства» можно дать следующее определение: язык арбитражного судопроизводства — это язык для специальных целей (язык права) как разновидность государственного (литературного) языка в арбитражном процессе, имеющий институциональный характер, предметом которого являются специальные знания, и используемый для выполнения поставленных перед ним задач.

Литература

1. Пиголкин А.С., Студейкина М.С., Ткаченко О.В. Комментарий к Закону «О языках народов РФ». М., 1993.
2. Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности. М., 1970.
3. Власенко Н.А. Язык закона. Иркутск, 1997.
4. Власенко Н.А. Язык права: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
5. О языках народов Российской Федерации: закон Рос. Федерации в ред. от 11 дек. 2001 г. № 165-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50, ст. 1740; Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3804; 2001. № 50, ст. 4926.
6. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. Закон Рос. Федерации от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 15 дек. 2001 г. № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2001. № 51, ст. 4825.
7. О государственном языке Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 1 июня 2005 г. №53-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 23, ст. 2199.
8. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 527–528.

9. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода: сб. ст. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
10. Герд А.С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. Вып. 3. СПб., 1995.
11. Гамзатов М.Г. Государственный язык // Лингвистическая и сравнительно-правовая интерпретация и перевод юридической лексики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 42–63.
12. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» / отв. ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во НОРМА, 2003. С. 92–95.
13. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 40–41.
14. Гувев А.Н. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во «Экзамен», 2007. С. 50.
15. Вестник ВАС Рос. Федерации. 2005. № 6. С. 116–122.
16. Кольцов А.А. Иностранные документы в арбитражном процессе России // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. 2006. № 5. С. 113–120.
17. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Д.А. Фурсова. М.: Проспект, 2015.
18. Кенсовский А.П. Легализация признание документов иностранных государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 3.
19. Кенсовский П.А. Легализация и признание документов иностранных государств. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. С. 63, 64, 65.
20. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февр. 1993 г. // ВВС Рос. Федерации. 1993. № 10, ст. 357.
21. О порядке вывоза, пересылки и истребования личных документов советских граждан и лиц без гражданства из СССР за границу: закон СССР от 24 июня 1991 г. // ВВС СССР. 1981. № 27, ст. 784.
22. Об актах гражданского состояния: федер. Закон Рос. Федерации от 22 окт. 1997 г. // Рос. газ. 1997.
23. Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.
24. Convention Abolishing the Requirement of Legislation for Foreign Documents. Opened for signature at the Hague, on 5 October 1961 // Журнал международного частного права. 1993. № 2. С. 72–84.
25. Гамзатов М.Г. Лингвистическая и сравнительно-правовая интерпретация перевод юридической лексики. С. 82–84.
26. О создании Содружества Независимых Государств: соглашение от 8 дек. 1991 г. // Ведомости СНД и ВС Рос. Федерации. 19.12.1991. № 51, ст. 1798.
27. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4; Закон. 1993. № 1.
28. Халатов С.А. Комментарий к ст. 255 АПК РФ // Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
29. Ельцов А.Н. Легализация документов: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
30. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 282–283.
31. О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса: постановление Пленума Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 11 июня 1999 г. № 8 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 8.

References

1. Pigolkin A.S., Studeikina M.S., Tkachenko O.V. Kommentarii k Zakonu «O yazykakh narodov RF». M., 1993.
2. Pigolkin A.S. Yazyk zakona: cherty, osobennosti. M., 1970.
3. Vlasenko N.A. Yazyk zakona. Irkutsk, 1997.
4. Vlasenko N.A. Yazyk prava: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2018.
5. O yazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii: zakon Ros. Federatsii v red. ot 11 dek. 2001 g. № 165-FZ // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 50, st. 1740; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 1998. № 31, st. 3804; 2001. № 50, st. 4926.
6. O sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii: feder. konstituts. zakon Ros. Federatsii ot 31 dek. 1996 g. № 1-FKZ: v red. ot 15 dek. 2001 g. № 5-FKZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 1997. № 1, st. 1; 2001. № 51, st. 4825.

7. О государственном языке Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 1 июня 2005 г. №53-FZ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2005. № 23, ст. 2199.
8. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зор'кина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: INFRA-M, 2012. С. 527–528.
9. *Gamzatov M.G.* Техника и специфика юридического перевода: сб. ст. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
10. *Gerd A.S.* Языковая политика // *Возрождение культуры России: язык и этнос*. Вып. 3. СПб., 1995.
11. *Gamzatov M.G.* Государственный язык // *Lingvisticheskaya i sravnitel'no-pravovaya interpretatsiya i perevod yuridicheskoi leksiki*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 42–63.
12. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» / отв. ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во NORMA, 2003. С. 92–95.
13. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 40–41.
14. *Guev A.N.* Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во «Экзамен», 2007. С. 50.
15. *Vestnik VAS Ros. Federatsii*. 2005. № 6. С. 116–122.
16. *Kol'tsov A.A.* Иностранные документы в арбитражном процессе России // *Vestnik FAS Zapadno-Sibirskogo okruga*. 2006. № 5. С. 113–120.
17. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Д.А. Фурсова. М.: Проспект, 2015.
18. *Kensovskii A.P.* Легализация признания документов иностранных государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 3.
19. *Kensovskii P.A.* Легализация и признание документов иностранных государств. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. С. 63, 64, 65.
20. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февр. 1993 // *VVS Ros. Federatsii*. 1993. № 10, ст. 357.
21. О порядке вывоза, пересылки и использования личных документов советских граждан и лиц без гражданства из СССР за границу: закон СССР от 24 июня 1991 г. // *VVS СССР*. 1981. № 27, ст. 784.
22. Об актах гражданского состояния: федер. Закон Рос. Федерации от 22 окт. 1997 г. // *Ros. gaz.* 1997.
23. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. 1993. № 6.
24. Convention Abolishing the Requirement of Legislation for Foreign Documents. Opened for signature at the Hague, on 5 October 1961 // *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava*. 1993. № 2. С. 72–84.
25. *Gamzatov M.G.* Lingvisticheskaya i sravnitel'no-pravovaya interpretatsiya perevod yuridicheskoi leksiki. С. 82–84.
26. О создании Содружества Независимых Государств: соглашение от 8 дек. 1991 г. // *Vedomosti SND i VS Ros. Federatsii*. 19.12.1991. № 51, ст. 1798.
27. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. // *Informatsionnyi vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG "Sodruzhestvo"*. 1992. № 4; *Zakon*. 1993. № 1.
28. *Khalatov S.A.* Комментарий к ст. 255 АПК РФ // Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Infotropik Media, 2011.
29. *El'tsov A.N.* Легализация документов: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
30. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Infotropik Media, 2011. С. 282–283.
31. О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса: постановление Plenuma Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 11 июня 1999 г. № 8 // *Vestnik VAS RF*. 1999. № 8.

*Поступила в редакцию 30 июля 2020 г.
Received 30 July, 2020*